

Е.В. МИХАЙЛИК (МИНСК)

«ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ» Э. ГИДДЕНСА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РИСКОВ СОВРЕМЕННОСТИ

На анализе четырех последних монографий Э. Гидденса (2000, 2005, 2006 и 2009), пока не переведенных на русский язык, рассматривается европейская социальная модель английского социолога в контексте глобализации рисков современности.

The European social model developed by A. Giddens in his 4 monographs published recently (2000, 2005, 2006, 2009) and not yet translated into Russian, is considered in the context of modern risks globalization.

В ноябре 2006 г. Э. Гидденс обратился к мировому социологическому сообществу с лозунгом «Специализация требует синтеза!», обвиняя современную социологию в неспособности видеть глобальные проблемы, прогнозировать развитие кризисных тенденций, предусматривать мировые риски за узкой специализацией¹. Принимая во внимание указанное требование, данная статья ставит целью теоретико-методологическое осмысление концептуального термина английского социолога – «европейская социальная модель» – в контексте глобализации современных рисков. В основу статьи положен анализ последних работ Гидденса, не переведенных на русский язык.

В качестве объекта исследования Гидденс рассматривает европейскую социальную модель (ЕСМ, или European Social Model) – эклектический конструкт, призванный отразить специфические черты социального устройства Европы. Автор постулирует академическую, общественную и политическую значимость данного термина, именуя его как «buzzword» – так называемое модное слово, подразумевающее важное социальное явление². По нашему мнению, ЕСМ – модель, идущая в ногу со временем, появление которой обусловлено вызовами XXI в., когда в мире ведутся широкие дискуссии относительно выбора пути, по которому должно строиться и функционировать общество в условиях глобализации. Таким образом, ЕСМ – объект пристального внимания, анализа и критики, а разброс мнений относительно ее ценности и перспективности довольно широк. Одни интеллектуалы, в том числе Гидденс, считают европейскую социальную модель на сегодняшний день образцом устройства общества. А ее главные принципы – качественной основой для его совершенствования. Другие сводят суть и назначение ЕСМ к решению социальных проблем общества, связанных с его жизнедеятельностью: социальное обеспечение, занятость, доступ к образованию, медицинскому обслуживанию и пр. Третьи вовсе отрицают существование такой модели, утверждая, что либеральная социальная система Великобритании, корпоративная – ФРГ и Франции, социал-демократическая – Скандинавии совершенно разные и самодостаточные социальные модели. Интерес представляет оценка данной модели П. Дианантополоу, которая назвала ее «не только европейской, не столько социальной и совсем не моделью»³.

Проблема исследования социальной архитектуры современного общества с учетом глобального политического и экономического контекста является ключевой в работах многих ведущих социологов и политологов мира (З. Бауман, Д. Бхагавати, Де Сото, З. Бжезинский, М. Кастельс, Дж. Сакс, Дж. Стиглиц, Ф. Фукуяма, Дж. Кьеца). Практически все интеллектуалы утверждают, что нестабильность, неопределенность, непредсказуемость и потому небезопасность суть ключевые характеристики современной глобализации. Война становится «нормой» и все менее отличается от наведения социального порядка. Взаимосвязанными источниками этих рисков выступают интеграция богатых и дезинтеграция беднейших стран планеты. «Триада» – США, Европейский Союз и Китай – не только диктуют темп и характер глобализации, но ее члены все более замыкаются друг на друга потоками торговли и прямых инвестиций (76 % глобальных

¹ Э. Гидденс говорит о том, что, если ввести «ЕСМ» в поисковик www.google.com, появится более 11 200 000 статей на эту тему, что еще раз подтверждает факт «модности» данного понятия.

торговых потоков идет между ними). Опасно, если инвестиционные потоки замкнутся внутри сообщества развитых стран. Причем, по мнению Х. Дэвида, Дж. Ная, Дж. Сороса, Дж. Стиглица, Н. Фергюсона и др., США являются главным источником опасности, в частности, потому, что их изоляционизм растет, они не имеют и не хотят иметь достаточных знаний о других обществах. Ввиду изложенных нами и не только этих обстоятельств основные теоретические изыскания относительно социальной модели базируются на анализе европейского общества как «опытного образца». Таким образом, ЕСМ была выделена как контрастное понятие, с одной стороны, по отношению к Советскому Союзу и Восточной Европе и, с другой – по отношению к американскому варианту свободной рыночной экономики и либерализма⁴. Следовательно, ЕСМ, как и Европейский Союз, в самом широком смысле является прямым продуктом биполярного мира. Падение Берлинской стены – знаковое событие для Европы – ознаменовало перевес, сформулированный Гидденсом со ссылкой на Т. Фридмана, как 11:9 в паритетном мире⁵.

Описывая ЕСМ, Гидденс, в свою очередь, акцентирует внимание на следующих моментах: во-первых, некоторые неевропейские страны куда более европеизированы, чем Европа (например, Австралия или Канада в плане наличия эффективных институтов обеспечения социального благосостояния и ограничения неравенства в сравнении с Португалией, Грецией и новыми членами ЕС); во-вторых, ЕСМ – не чисто социальная модель ввиду фундаментальной зависимости от уровня экономического развития; в-третьих, это не единая модель в силу существенных различий между европейскими государствами. Однако все европейские страны вписываются в рамки ЕСМ, поскольку основные принципы, на которые она опирается, в той или иной форме заложены в национальных моделях: социальная справедливость, социальная безопасность, социальное сплочение, конкурентоспособная экономика. Гидденс утверждает, что решающим фактором в реализации ЕСМ является интеграция не только экономическая, но и политическая, и поэтому нельзя национальные особенности тащить на европейский уровень.

Говоря метафорически, необходимость создания ЕСМ Гидденса «продиктована временем». Существует ряд проблем, с которыми сталкивается ЕС сегодня, но каждая проблема может быть рассмотрена как задача, решение которой усилит Европейский Союз. Так, расширение ЕС на Восток символизирует расширение его влияния в геополитическом пространстве. Открытость границ «обращения» обуславливает роль ЕС как импульса распространения проевропейской демократизации и рыночной экономики. Новый союзный уровень сотрудничества дает гражданам ЕС возможность жить в среде минимизированных рисков терроризма, пандемий и других риск-факторов. Падение франко-немецкой оси как доминирующей политической силы предполагает более равномерное распределение значимости среди государств-членов ЕС. Перенос «центра тяжести» торгово-промышленных компетенций в развивающиеся страны ведет к признанию глобального характера ЕСМ.

Сильной стороной модели Гидденса является то, что английский социолог не занимается глобальным теоретизированием, искусно связывая теорию и современную политическую и социально-экономическую практику, что можно подтвердить положительной оценкой ведущих европейских политиков.

Д. Амато, министр внутренних дел Италии, бывший премьер-министр, полагает, что Европа сейчас «примеряет новые башмаки», и, учитывая ее «смешанную природу», следует избрать новый путь управления общественным развитием, который базируется не на иерархии, а на кооперации, не на командах, а на диалоге, не на собственной исключительности, а на толерантности и взаимопонимании⁶.

Д. Альберс, профессор Бременского университета, руководитель международной экспертной группы, редактор журнала «Социальная Европа», полагает, что европейская модель развития общества никогда не ограничивалась созданием государства всеобщего благоденствия. Она стремилась к ограничению и эффективному контролю над «волчьей природой» капитализма, обеспечению народу социальной безопасности, материальной независимости и прав на демократическое участие в управлении⁷.

Комиссар Еврокомиссии по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям В. Шпидла также высказал свое мнение по поводу ЕСМ. Он заявил: «Европейская социальная модель базируется на наборе общих фундаментальных ценностей. Эти ценности должны разделяться всеми государствами-членами ЕС. Среди них: приверженность демократии, отказ от любых форм дис-

⁴ Символом Берлинской стены определяется не только демаркация Восточной и Западной Германии, но и противостояние «демократической» и «советской» социальных моделей. Падение Берлинской стены ознаменовало торжество первой и смещение биполярного мира в ее сторону.

криминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и справедливость, признание роли социальных партнеров и социального диалога. Европа кончается, когда эти ценности не разделяются»⁸.

Настаивая на универсальности ЕСМ, Гидденс называет такие ее характеристики, как развитое государство с относительно низким уровнем налогообложения; наличие системы эффективной социальной защиты, способной предоставить ее в особенности тем, кто в этом наиболее нуждается; ограничение экономической и других форм неравенства. При этом по факту анализа применимости обозначенных черт к реальным европейским государствам нельзя не отметить различную степень выраженности последних в каждой отдельной стране, что порождает необходимость классификации, способной отразить типы. В целях проведения детального анализа Гидденс классифицирует государства по принципу развитости благосостояния и выделяют следующие типы:

1) *северный* (отличается высокой степенью налогообложения и экстенсивными трудовыми возможностями);

2) *консервативный, или корпоративный* (характеризуется платежно-ведомственными контрибуциями и распространен в Германии, Франции и Италии);

3) *либеральный, или англо-саксонский* (отличается более низкой степенью налогообложения, наличием целевой политики и географически представлен в Великобритании и Ирландии);

4) *средиземноморский* (специфичен низкой степенью налогообложения, семейным производством и имеет место в Испании, Португалии и Греции);

5) *посткоммунистический* (относится к странам Восточной Европы, нацеленным на создание общества западноевропейского образца)⁹.

Отмечая адекватность приведенной классификации, Гидденс говорит о *трилемме первых трех типов*, добавляя крайние два как дополнительные. Трилема обнажает проблему *специфической риск-ориентации* в рамках каждого из представленных в классификации вариантов развития «капитализма благосостояния». Эксиципуруя принципы предложенного подхода, отметим, что в странах северного типа государство выступает в качестве работодателя, обеспечивая своих граждан большим количеством рабочих мест общественного сектора, снижая уровень безработицы. В странах такого типа присутствует высокий уровень налогообложения, что провоцирует напряженность в аспекте кредитной политики. Государства англо-саксонского типа, среди которых можно выделить Великобританию как особенно чистый тип, практикуют введение большого числа рабочих мест в частном секторе экономики, фискальную дисциплину, но при этом отличаются риском высокого уровня бедности. Что касается представителей корпоративного типа, здесь проводится политика ограничения неравенства посредством социальных выплат, что результируется в риске превышения плановых бюджетов, а также в отсутствии инициативы при трудоустройстве.

При рассмотрении ЕСМ, как и при анализе путей развития ЕС, Гидденс занимает ярко выраженную проевропейскую позицию. Им было введено понятие «евро-реализм» – термин (по мнению Гидденса, скорее реалистичный, чем претенциозный), используемый автором для описания системы миропонимания, когда европейская модель развития признается лучшей. Неопровержимым представляется заявление Гидденса, что ЕС – это наиболее оригинальный и успешный эксперимент в создании политических институтов со времени Второй мировой войны. Но констатация лидерства ЕС правомерна в аспекте международных отношений, но не в плане технического развития: если в 1980 г. страны ЕС производили 26 % от мирового валового продукта, то к 2008 г. этот показатель упал до 21 %. Прогнозы на 2015 г. еще менее утешительны и констатируют неизбежность падения до 16–17 %.

Раскрывая другие аспекты несовершенства ЕСМ и анализируя угрожающие ей глобальные риски, Гидденс обосновывает целесообразность прогрессивного сценария ее реформирования. За решением проблемы занятости социолог закрепляет основной приоритет, а единственно жизнеспособной в мире возрастающей конкуренции признает экономическую систему, отличающуюся низким налогообложением. Показательной характеристикой рынка труда, по его мнению, выступает уровень его гибкости и политика продвижения экономики, основанной на знании, посредством масштабных инвестиций в образование, развития инвестиционных технологий и др. Гидденс признает необходимой децентрализацию и диверсификацию системы социального обслуживания одновременно с отказом от проамериканского принципа «нанимать и увольнять». Особенно важным полагает решение демографических проблем, делая акцент на формировании позитивной экологической перспективы и благоприятных эф-

фактов миграции. Таким образом, сформулируем ряд положений, призванных повлиять на положение дел в современном европейском обществе. Необходимо:

- сформировать более динамичный единый рынок, основанный на конкуренции, отсутствии внешней регуляции и политике, способной обеспечить беспрепятственный выход на рынок новым предприятиям¹⁰. Необходима также стратегия миграционной мобильности рабочей силы в Европе;
- организовать строгую систему обоснованных инвестиций в знание: усилить национальные и общеевропейские программы содействия исследовательским центрам и последипломному образованию; снизить налоги в организациях частного бизнеса, занимающихся научно-исследовательскими разработками;
- обеспечить благоприятный макроэкономический контекст для функционирования экономического и денежного союза, направленного на создание мотивационной схемы получения дополнительной выгоды для стран в лучшие времена и проведения более гибкой политики – в худшие;
- пересмотреть схему реструктуризации: фонды, выделяемые менее благополучным странам, должны служить созданию дополнительных институтов инвестирования в человеческий и физический капитал;
- создать эффективную систему взаимоотношений Европейского Союза с национальными процессами принятия решений;
- перефокусировать бюджет Европейского Союза с поддержания сельскохозяйственного сектора на инвестиции в рост, конвергенцию и реструктуриацию фондов развития человеческого капитала¹¹;
- внедрить эффективную экологическую политику¹².

С целью показать нетождественность реформированной европейской социальной модели (РЕСМ) американской социальной модели Гидденс проводит четкую линию разграничения между ними. В РЕСМ упорядочены цены и введена новая система мотивации занятости, но в то же время государственная система должна продолжать оказывать поддержку населению, минимизируя социальные, экономические и медицинские риски. Уровень налогообложения остается высоким сравнительно с интернациональным уровнем. Возрастают инвестиции в человеческий капитал. РЕСМ может быть названа моделью «государства социальных инвестиций». Политика благосостояния РЕСМ более эгалитарна, чем в США¹³, проводится идея солидарности государства благосостояния не только с малоимущими, но и с самыми обеспеченными слоями населения. Идея «социального партнерства» здесь выходит на передний план.

Отметим, что среди прочих причин инвариантности пересмотра конструкта ЕСМ Гидденс особо выделяет новое понимание риска, когда декларируется проблема рискогенности всех слагаемых разрабатываемой модели. В этой связи весьма оригинальной представляется попытка социолога создать образ универсального государства, в котором максимально нивелированы полисферные риски. Такое государство пока может существовать лишь как ментальная схема, реально воплощенная в узких аспектах функционирования и развития отдельных европейских государств. Таким образом, Гидденс в качестве идеального для современности презентует государство, где должны быть:

- уровень развития промышленности, как в Германии;
- уровень социального равенства, как в Швеции;
- показатели занятости, как в Дании;
- показатели экономического роста, как в Ирландии;
- уровень медицинского обслуживания, как во Франции;
- показатель ВВП на душу населения, как в Люксембурге;
- уровень образования, как в Норвегии;
- космополитизм, как в Великобритании;
- погода, как на Кипре¹⁴.

Сам социолог указывает на ироничность такого «идеала», но со всей серьезностью заявляет, что, за исключением «климата, как на Кипре», все остальные пункты являются векторами совершенствования ЕСМ. На основании идеи «идеального государства» исследователь формулирует *новую ценностную систему* европейской социальной модели, отражающую основные ориентиры последней в условиях повышенной рискогенности. Среди базовых ценностей ЕСМ Гидденс называет: максимально «равномерное» распространение рисков и возможностей в обществе, культивирование социальной солидарности или сплоченности (отсюда – идея социального партнерства), защита наиболее нуждающихся слоев населения с учетом одобрения и полезности социальной политики и для обеспеченных граждан и др.

¹⁰ Гидденс метафорически говорит о так называемой отдыхающей регуляции (relaxed regulation).

При этом социолог не отрицает позитивной стороны риска: амбивалентность отношения к риску продиктована сутью данного явления, когда, с одной стороны, риск раскрывает опасности, которым подвержено человечество (причем большинство из этих опасностей люди создали своими руками), с другой – риск не является сугубо негативным феноменом, воплощая движущие силы общественного развития. Таким образом, на основе теоретических выводов Гидденса можно составить своеобразную «риск-матрицу» позитивного отношения к риску (таблица).

«Риск-матрица»

Возможности (Opportunity)	Инновации (Innovation)
Безопасность (Security)	Ответственность (Responsibility)

Избежать риска невозможно, но исход рискованной ситуации всецело зависит от вектора пассивного принятия или активного исследования среды риска. Позитивное понимание риска – необходимое условие социальной и экономической мобилизации.

В исследовательском арсенале Гидденса имеется стройная система рекомендаций, нацеленная на решение проблем в «зонах риска» современных европейских государств. Обратимся к разработкам английского социолога с целью обоснованного анализа смежных вопросов в рамках белорусской реальности.

Прежде всего Гидденс выделяет концептуальную проблему понимания сути и специфики современного европейского государства, которое призвано быть социально ориентированным. Он сомневается в правомерности использования указанного термина, предпочитая ему понятие «государство социальных инвестиций». Такая терминологическая инновация демонстрирует новое предназначение современного государства, за которым признается статус поощряющего и развивающего. Гидденс называет это позитивным социальным обеспечением в антитезу риска негативного, метафорически воплощенного в образе «государствяняшки». Позитивная система социального обеспечения, в свою очередь, является системой инвестирования, которая развивает способности своих граждан и их объединений. Отметим, что по Конституции Беларусь провозглашена социально ориентированным государством с рыночной экономикой. Нашей стране также не чужд вектор развития в направлении государства социальных инвестиций.

Ученый акцентирует значимость проблемы занятости и модификации структуры рынка труда. В качестве примера Гидденс упоминает Лиссабонскую программу, в соответствии с которой Европейскому Союзу предписывается иметь средний показатель занятости на уровне 70 %. Сейчас он равен 62 %. Английский социолог усматривает причину в системе социальной защиты, не мотивирующей членов общества к поиску работы. Обращаясь к ситуации на рынке труда Беларуси, отметим, что аналогичный показатель занятости равен 73,9 %¹⁵, что было бы оптимистичным, если бы не его нисходящая динамика на протяжении 10 последних лет и экономический кризис, начавшийся в 2008 г.

Во избежание риска смешения потребительских ролей на уровне «гражданин – государство» Гидденс вводит термины «consumer citizens» и «citizen consumers». Социолог заключает, что в сфере конкурентного рынка мы являемся теми, кого можно назвать «потребляющие граждане» (consumer citizens): на рынке выбор между товарами является решающим средством, с помощью которого человеком реализуется потребительская стратегия поведения. В областях, которые связаны с системой социального обеспечения (здравоохранение, образование), необходимо принципиально изменить данную формулу: здесь мы сперва граждане, а потом – потребители, или граждане-потребители (citizen consumers). Гидденс подытоживает рассуждения формулированием следующего принципа: производство и потребление не должны и не могут действовать аналогичным образом в сфере здравоохранения и сфере открытого рынка товаров и услуг. В Беларуси рассматриваемый принцип воплощен, но лишь формально: равнодоступное медицинское обслуживание не гарантирует качество оказанных услуг. Так, для желающих получить «нормальную» медицинскую помощь даже при государственных поликлиниках существуют платные кабинеты.

Рискованную зону современных европейских государств социолог усматривает в демографической проблеме старения населения, которая актуальна и для белорусского общества: «старение сверху» становится причиной перегруженности трудоспособного населения по обеспечению нетрудоспособного. В общем случае речь идет о категориях моложе и старше трудоспособного возраста. Так, в Беларуси проживает 3 637 000 чел. нетрудоспособного возраста (моложе и

старше трудоспособного) и 6 053 000 чел. трудоспособного возраста. При этом занятых – всего 4 523 000 чел., что составляет половину населения страны¹⁶. Очевидно, что нагрузка на трудоспособное население очень велика: Беларусь, как каждая европейская страна, сталкивается с проблемой пенсионных выплат. Гидденс отмечает, что не пенсии спровоцировали демографические проблемы в социально ориентированном государстве. Уровень рождаемости в ряде европейских государств снизился до 1,1–1,2 чел. В Беларуси естественный прирост населения за 2008 г. впервые с 1993 г. имел знак «плюс»¹⁷. Но этот рекорд обусловлен не объективными обстоятельствами смены установок на детность, а вступлением в активный репродуктивный возраст поколения последнего «бэби-бума» советского периода (1983 – начало 1986 г.). Коэффициент детности в Беларуси составляет 1,8, что не обеспечивает простое воспроизводство населения. Показательным является и средний возраст вступления в первый брак (25,9 лет у мужчин и 23,8 лет у женщин), который неуклонно растет, сигнализируя о смене матримонимальных установок молодых людей, не спешащих обзаводиться семьей и детьми, предпочитая супружеству карьерный рост и «жизнь для себя».

Гидденс рассматривает проблемы разнородности и солидарности в современных европейских государствах. В ходе анализа Гидденс констатирует, что многие возникающие проблемы связаны с миграцией и мультикультурализмом, но это неизбежно. Существует взаимосвязь между равенством и культурным единообразием, но это не говорит об эффективности политики «изоляции»¹⁸. В будущем ни одно общество, в том числе и белорусское, не будет однородным. Таким образом, Гидденс настаивает на необходимости создания новой миграционной политики и пересмотре решений об иностранных инвестициях.

Интерес к ЕСМ в Беларуси нельзя назвать случайностью. Наша страна переживает ряд демократических реформ: экономических, административных, социальных. Перед ней стоит задача выполнения национальных проектов, самым тесным образом связанных с социальной сферой, которая признана приоритетной. 2010 г. на высшем законодательном уровне объявлен Годом качества, а основным вектором совершенствования является качество жизни населения. Может ли быть полезен белорусам европейский опыт и приемлема ли европейская социальная модель для белорусского общества? Принципы, на которых она основана, объективно неоспоримы, и на деле эта модель доказала свою жизнеспособность и притягательность. Однако она закладывалась и развивалась в условиях, которых в Беларуси нет. Страна еще не достигла того исходного экономического уровня, с которого стартовала европейская социальная модель. Более того, далеко не все идеи, заложенные в нее, могут быть нами использованы – говорить о простом экспорте ЕСМ не приходится.

Особенно важно для Беларуси понимание роли современного государства, которое традиционно играло особую роль, многие десятилетия являясь фактическим монополистом в области социальной политики. Происходящие в последние годы европейские реформы в этой сфере направлены на сокращение ответственности государства и привлечение иных источников финансирования социальных услуг. Но государство может отойти от прямого регулирования финансов лишь в том случае, когда речь идет о «зрелом демократическом обществе с развитой социально ориентированной рыночной экономикой»¹⁹. Тогда оно будет больше заниматься созданием и юридическим обеспечением условий, благоприятных для деятельности субъектов рынка и гражданского общества.

Поэтому нам необходимо четко знать, нужна ли в Беларуси либеральная политика в социальной сфере. Судя по опыту соседней России, преждевременное увлечение либерализмом и неправильное толкование принципа subsidiarity привели ко многим трудностям и провалам при реформировании социальной сферы. Произошло перекладывание ответственности за решение социальных проблем на регионы, которые в большинстве своем не имели для этого достаточной финансовой основы.

В то же время появилась возможность использовать преимущества XXI в. Так, новые информационные технологии, доступ к интернету позволяют Беларуси не только наглядно увидеть преимущества и недостатки ЕСМ и собственной социальной сферы, но и выявить сложные моменты, просчеты и ошибки, допущенные европейцами при решении жизненно важных социальных проблем, оценить их и проанализировать.

Это необходимо при составлении планов реформ, подсчетах возможностей для их реализации, обозначении перспектив этого вектора развития страны. Опыт Европы свидетельствует о том, что социальная стабильность в обществе нарушается, когда встает вопрос о доверии к государственной политике. Беларусь имеет возможность извлекать уроки из европейского опыта. Достижение нового социального контракта между государством, бизнес-сообществом и гражданским обществом – задача, зафиксированная в ЕСМ, актуальна и для Беларуси.

Теоретико-методологическое осмысление специфики ЕСМ Гидденса в контексте глобализации современных рисков позволяет сделать следующие выводы:

1. Видение Гидденсом глобального контекста всевозрастающей рискогенности современных общественно-политических процессов привело к необходимости осмысления в качестве объекта исследования *синтетического теоретико-ментального конструкта*, именуемого английским социологом европейской социальной моделью (ЕСМ).

2. ЕСМ предполагает *принципиально иное отношение к рискам*, нежели в традиционном государстве, система которого переносила индивидуальные риски на государственный уровень, в то время как ЕСМ представляет государство как агента социальных инвестиций и регуляции. Риск-стратегия может быть обозначена как «*политика-постфактум*» (в традиционном государстве) в противовес «*политике-априори*» (государство, созданное по ЕСМ). Развитие ЕСМ возможно исключительно как распространение прав и обязанностей, причем однажды созданные права *могут трансформироваться* по мере развития социальной системы.

3. *Агентом ЕСМ* является деятельностный гражданин, способный к проявлению активного доверия, участвующий в двустороннем процессе регулярного мониторинга обоюдного принятия решений на уровне «государство – гражданин». Граждане активно принимают самостоятельные решения, что возможно благодаря инвестициям в социальный капитал.

4. Гидденс формулирует *новую ценностную систему* – аксиологическую модель, отражающую основные ориентиры европейской социальной модели в условиях повышающейся рискогенности, а также создает образ государства, в котором максимально нивелированы полисферные риски, – государства управления рисками.

5. Теоретико-методологические положения Гидденса относительно ЕСМ доказывают свою универсальность, а некоторые ее параметры – и применимость к анализу белорусской реальности.

¹ См.: Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социол. исслед. 2007. № 9. С. 4.

² См.: Giddens A., Diamond P., Liddle R. Global Europe, Social Europe. Cambridge, 2000. P. 14.

³ Dianantopolou A. The European social model – myth or reality? London, 2000. P. 9.

⁴ См.: Giddens A. Europe in the Global Age. Cambridge, 2006.

⁵ См.: Friedman T. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York, 2005. P. 34.

⁶ См.: Amato D. The Future of Europe // Social Europe. London, 2004. P. 33.

⁷ См.: Albers D. The Great adventure of Europe // Ibid. P. 46.

⁸ Spidla V. Some Reflections on the European Social Europe // Ibid. P. 111.

⁹ Ibid. C. 9.

¹⁰ Ibid. C. 17.

¹¹ См.: Giddens A. Europe in the Global Age. Cambridge, 2006. P. 17–18.

¹² См.: Giddens A. Politics of Climate Change. Cambridge, 2009. P. 156.

¹³ См.: Giddens A., Diamond P. The New Egalitarianism. Cambridge, 2005. P. 18.

¹⁴ См.: Giddens A., Diamond P., Liddle R. Global Europe, Social Europe. P. 34.

¹⁵ См.: Республика Беларусь: Стат. ежегодник. Мн., 2008. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 28–29.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ См.: Гидденс Э. Социально ориентированное государство в современном европейском сообществе // Социология. 2007. № 3. С. 14–23.

¹⁹ Международные процессы. 2006. Т. 4. № 3. С. 29.

Поступила в редакцию 15.01.10.

t